

— Приехали! — звонко выкрикнул Мао Сяочуань, разом вырвав Юань Синя из долгого водоворота воспоминаний.

Небесно-голубой электроскутер ловко вильнул в сторону, уклонился от непрекращающегося потока машин и нырнул под навес студенческой парковки у восточного входа в школу.

— Ну всё, приехали! Чего завис-то?

Мао Сяочуань держал руль одной рукой, второй осторожно снимал с головы шлем.

Юань Синь встал, перекинул длинную ногу через раму и легко спрыгнул на землю. Перехватив свой рюкзак в одну руку, другой ухватился за задний поручень скутера и одним уверенным движением закатил его в самое дальнее, самое укромное, самое защищённое от дождя и ветра место.

— Ого, вот это сила! — восхищённо присвистнул Мао Сяочуань, укладывая шлем.

Юань Синь обернулся и уже открыл рот, собираясь что-то сказать, — но не успел.

Откуда-то из глубины парковки повеяло лёгким, едва уловимым духом авантюры, и прежде чем Мао Сяочуань успел сориентироваться, что-то со всей силы врезалось ему в плечо. Следом разлился серебристый смех — не смех даже, а целый перезвон колоколов под порывистым ветром.

— Ха-ха-ха-ха! Мао Сяочуань! Напугалась? Ха-ха-ха-ха!

— Да иди ты, напугалась она! — огрызнулся Мао Сяочуань.

Испугаться-то он испугался — это правда. Только что он напряжённо прокручивал в голове, как будет объяснять Толстяку их с Юань Синем совместное... сожительство. Нет, совместное проживание. Но тут на сцену вышел персонаж, с которым разобраться было, пожалуй, ещё сложнее.

Цзя Цзе — самопровозглашённая королева школы из соседнего класса. Та самая девчонка, о которой Толстяк во всеуслышание объявлял, что она без ума от Ли Сяовэя.

Несмотря на начало осени и пронизывающий утренний холод, выглядела Цзя Цзе всё так же соблазнительно. Волосы были собраны высоко на макушке и перехвачены роскошным бантом алого цвета, длинная лента которого покачивалась в такт каждому её движению. Вместо стандартной школьной рубашки с высоким воротником — нежно-розовая блузка с оборками.

Форменный жакет и юбка тоже претерпели радикальную переделку: там укоротили, тут ушили — и теперь весь этот ансамбль с хирургической точностью подчёркивал её гордую грудь, соблазнительно округлые бёдра, тонкую талию и две безупречные белые ноги.

— Да что ты такое говоришь! — капризно протянула Цзя Цзе и тут же переключила взгляд на Юань Синя — томный, чуть мерцающий. — Юань Синь, привет! Ты тоже здесь? А на машине что, не приехал?

Увидев Юань Синя, она явно смутилась. По гладкому лицу скользнул румянец, в глазах промелькнула растерянность. Ещё издалека она заприметила за спиной Мао Сяочуаня высокую стройную фигуру — явного красавца, — но что это окажется именно Юань Синь, даже предположить не могла. Иначе не металась бы сюда сломя голову, словно ненормальная, — и не упустила бы шанс обратить на себя внимание.

Впрочем, это отдельный вопрос: Юань Синь, который всегда разъезжал на роскошном внедорожнике, как завзятый аристократ, сегодня приехал на скутере — и даже не сам за рулём?

Юань Синь скользнул по ней коротким взглядом, едва заметно нахмурился и отвернулся. Её появление его явно не обрадовало.

Пауза вышла неловкой. Цзя Цзе закусилла накрашенную губу, одну руку сунула в карман куртки, другой стиснула ремень рюкзака.

— Ты чего здесь торчишь? Шла бы на урок, — небрежно бросил Мао Сяочуань, забирая у Юань Синя свой рюкзак и перекидывая его через плечо. — Холодина такая, а ты одета чёрт знает как. Простудишься ещё.

— Тебя не спросила! — Цзя Цзе картинно надулась.

— Да больно надо! — Мао Сяочуань отмахнулся. — Только Толстяку при случае не ной про нас... Эй, Юань Синь, подожди!

И, уже не глядя на Цзя Цзе, он рванул вдогонку за успевшим уйти вперёд Юань Синем.

— Вы... вы оба...

Цзя Цзе в сердцах топнула ногой. Куцая юбка подпрыгнула, на миг открыв белый верх бедра.

Мао Сяочуань в конце дорожки всё же обернулся. Цзя Цзе так и стояла на месте — ноги выставлены углом, как на фотосессии, лицо мрачное. Заметив, что он смотрит, она с наслаждением показала ему средний палец и беззвучно выговорила что-то ртом. Мао Сяочуань был уверен: ничего приятного.

С Цзя Цзе у него никогда особой дружбы не было — познакомились через Толстяка. А то, что Толстяк по уши влюблён в Цзя Цзе, давно стало секретом Полишинеля в их компании: стоило той появиться в поле зрения, как у Толстяка глаза становились стеклянными и всё остальное мироздание переставало для него существовать.

Главное достоинство Цзя Цзе состояло в том, что природа расположила всё по нужным местам: там, где надо, — всё есть; там, где не надо, — ничего лишнего. На фоне школьниц, у которых либо кожа да кости, либо наоборот, её зрелая, округлая фигура при каждом появлении в коридоре неизменно собирала целую свиту откровенно пожирающих взглядов.

Девчонок красивее Цзя Цзе в школе хватало — а вот Толстяк видел только её. Это ставило всех в тупик. Особенно то, что сам Толстяк до сих пор был убеждён: его чувства никому не заметны, — и при каждом удобном случае спрашивал Ли Сяовэя, нравится ли тому Цзя Цзе.

Итого: Толстяк влюблён в Цзя Цзе. Цзя Цзе влюблена в Ли Сяовэя. Ли Сяовэй в Цзя Цзе не влюблён. Ли Сяовэй влюблён в Толстяка... нет-нет-нет, не в Толстяка. Тогда кто влюблён в Толстяка? Да кто вообще может влюбиться в этого лентяя и задиру?..

Мао Сяочуань завяз в этой любовной геометрии и чем дольше её распутывал, тем больше запутывался. Юань Синь тем временем незаметно сбавил шаг, и расстояние между ними понемногу сокращалось.

Обогнув большой фонтан перед главным корпусом, они вышли к административному зданию. Двери уже были открыты. Если пройти насквозь — через вестибюль и задний выход — путь до класса сокращался вдвое, без всяких обходов.

Не сговариваясь, оба свернули туда, хотя школьникам вход в административный корпус был закрыт, а использование этого пути в обход строго запрещалось. Мао Сяочуань, впрочем, об этом не беспокоился. Рядом с ним шёл Юань Синь — первый ученик школы. Кто посмеет остановить?

Стеклянные двери корпуса были толстые, прозрачные — в игре отражённого света изнутри и снаружи они работали как гигантские зеркала, чётко воспроизводя каждого, кто проходил мимо.

Мао Сяочуань машинально взглянул — и увидел двух идущих рядом людей. Один — статный, безупречный, из тех, на кого приятно смотреть. Это был Юань Синь. Рядом с ним — на полголовы ниже, заметно уже в плечах, школьная форма болтается мешком, голова с растрёпанными кудрями чуть опущена, походка неровная. Это был он сам.

Мао Сяочуань отвёл взгляд.

Стоя рядом с Юань Синем, он ощущал себя не на своём месте — совершенно и безоговорочно. Что-то вроде «принц и слуга» — не придуманное, а прочувствованное нутром.

За восемнадцать лет он, кажется, впервые испытал это глухое, беспомощное поражение — перед собственным отражением. Мао Сяочуань чуть опустил голову и поскрёб кудри, скрывая неловкость.

— Что-то не так? — Юань Синь не знал, что происходит у него в голове, но что-то почувствовал — и негромко сжал его плечо.

— Всё нормально. — Мао Сяочуань снова поднял голову, небрежно откинул упавшие на лоб волосы. — Просто длинные уже совсем, в глаза лезут. Постричься надо.

Юань Синь ничего не ответил. Он молча поднял руку и осторожно опустил ладонь Мао Сяочуаню на макушку — стал аккуратно, почти нежно поправлять примятые шлемом кудри. Движения медленные, тщательные. Взгляд — сосредоточенный. Глаза... тёплые.

Сердце Мао Сяочуаня ухнуло вниз и заколотилось. Только что народившееся чувство собственной никчёмности мгновенно испарилось, смытое этой странной, ни на что не похожей атмосферой. Нет, подождите. Какие ещё тёплые глаза? Мао Сяочуань мысленно отвесил себе звонкую пощёчину.

— Готово. — Юань Синь убрал руку, лишь когда примятые кудри распружинились обратно в привычное мягкое облачко. Взгляд скользнул по лицу Мао Сяочуаня.

Тот запрокинул голову — и глаза их столкнулись снова. И Мао Сяочуань увидел себя в зрачках Юань Синя — покрасневшегося, явно взволнованного.

Вот чёрт...

Он резко вытолкнул Юань Синя ладонями.

Тот отступил на шаг — он совершенно не ожидал этого. Посмотрел на него долгим непростым взглядом.

— Это... нам же на урок надо! — Мао Сяочуань хлопнул себя по лбу, развернулся и почти побежал, на ходу бормоча: — Блин, где выход-то? Ёлки-палки... куда идти вообще?

Юань Синь прищурился, глядя на уже снова растрёпанные после этого хлопка кудри. Долго молчал. Потом неторопливо двинулся следом.